

5

Воспоминания. Не исключено, что о будущем

*Наше положение даже блестящее.
Но не безнадёжное.
Не помню кто, но хорошо сказал*

*Степавцев В. В. — 1995 —
№ 2 — С. 5*

По вполне понятным, хоть и не зависящим от меня обстоятельствам, спектакля «Новоприезжие» по пьесе Леграна я на сцене Студенческого театра МГУ увидеть не смог. Все-таки 1756 год, почти два с половиной столетия назад...

Второе его рождение — знаменитую быковскую «Такую любовь» — помню смутно.

«Карьера Артуро Уи» — это уже на памяти моего поколения.

И все это, в общем-то, не имеет почти никакого значения. Потому что современный театр — это в первую очередь режиссер. И, какое бы славное прошлое ни маячило в тумане лет, с приходом нового лидера каждый театр начинается по-новой.

Правда, говорят, есть еще и традиции.

Однако большей частью — очень-очень большой частью — традиции в каждом отдельно взятом театральном организме есть чистейшая выдумка тех, кому чертовски выгодно прикрыть ими собственную бесталанность. Или — скажем осторожнее — несколько меньшую, нежели у отца-основателя, талантливость.

По счастью, Студенческий театр относится к тем, которых меньше. То есть традиций тут накопилось изрядно, и их не просто чтут, но еще и соблюдают. Только традиции эти — не щепкинские. И даже не быковские, при всем огромном уважении к Ролану Антоновичу. Впрочем, он, я думаю,

не обидится, поскольку и сам их соблюдал. Ибо традиции эти — Московского Университета.

Чтобы разобрать сей тезис подробно, статьи недостаточно — надобно писать книгу. Не исключено, что со временем так оно и произойдет: Студенческий театр МГУ, даже сгинь он сегодня без остатка, уже столь прочно вошел в историю российского театра, что никаким колом его оттуда не вышибешь.

Пока что отметим вкратце. Во-первых, при всех лидерах, включая нынешнего (то бишь Евгения Славутину), это был и есть театр интеллектуальный. Во-вторых — не то, чтобы непременно и непрерывно веселый, но с хорошим чувством юмора. И, наконец, всегда идущий чуть впереди остальных. Не по форме — к откровенно авангардным он никогда не принадлежал. В том смысле, что никогда не был озбочен специально поисками такой формы, которой до него никто, нигде и никогда... Скорее, авангардный по духу. Потому, может быть, и с формой достаточно часто все складывалось благополучно.

И еще одна традиция — этот театр всегда был диссидентским. Хотя, опять-таки, не по форме, а в смысле самом буквальном — то есть инакомыслием. Причем, «иначе» — не «против» (разве что в той мере, а какой «против» была любая более-менее свежая мысль), а просто позволял себе мыслить по-своему.

За что его всегда и не любили власти предрешающие — как университетские, так и повыше. И закрывали неоднократно. А собирались это сделать еще чаще. Хотя сама по себе эта традиция лишь логически вытекает из всех прочих. И все они, как нетрудно заметить, всегда были традициями российского студенчества...

Традиция и потребность быть чуть впереди помогли театру буквально вытаскивать на сцену множество новых для нее имен. В.Алексеева («Удача по скрипке»), В.Шефнера и Т.Толстую так, кажется, больше никто с тех пор и не ставил. Виктору Коркия повезло больше — число постановок «Черного человека» только в нашей стране перевалило за сотню. Не говоря уже о зарубежных.

Кстати, из всех многочисленных постановок «Черного человека» славутинская была не только первой, но, на мой взгляд, и лучшей.

То есть были профессиональнее сыгранные. Ничего не поделаешь — в Студенческом театре в основном играют любители. Но ТАК сыгранных — не было.

Чтобы сыграть это — требовались люди мыслящие и обладающие соответствующей культурой. По счастью, Московский Университет все еще продолжает их поставлять. Хотя, кажется, уже к немалому собственному удивлению...

После «Черного человека» были еще спектакли, и интересные — достаточно вспомнить «Чудную бабу» Нины Садур, но следующим событием в жизни Студенческого театра и всей театральной Москвы стала постановка пьесы В.Ерофеева

«Вальпургиева ночь». И снова театр оказался впереди, хотя пьесу уже ставили. Просто он первый поверил автору и поставил ее целиком, как есть.

Пожалуй, лишь на этом спектакле окончательно стало понятно, что Славутин воспитал актеров совершенно особой школы. Если угодно — актеров-интеллектуалов, хотя это определение, как и любое другое, грешит однобокостью. Во всяком случае — актеров, понимающих, о чем они говорят.

Между прочим — тоже традиция Студенческого театра.

Увы, сейчас ни этих, ни каких других спектаклей в репертуаре театра не осталось. Негде играть. Один из интереснейших театров Москвы лишен помещения — скажем спасибо ректорату университета и родимой православной церкви, сильно озабоченной возвращением недвижимости и несколько меньше — сохранением культуры. Пока что театр играет только постановку «Кабаре 03». Продолжая тем самым еще одну традицию — отчасти студенческих капустников, а больше — кабаре-театра, достаточно давно занявшего почетное место на его сцене. Кстати, сегодня Студенческий театр — один из немногих в Москве, блистательной владеющий этой театральной формой.

Тем не менее, в нынешнем сезоне обещан целый ряд премьер. Почему-то юбилейный год театр решил отметить сплошной Испанией. Прежде всего, буквально вот-вот, нас ожидает встреча с неизвестной (никому) пьесой Лопе де Вега «Непобедимая армада», кою театру удалось странным образом обнаружить в архивах собственной литчасти — ходят слухи, что с помощью Виктора Коркия. Во-вторых, вовсю идет работа над новой пьесой все того же Виктора Коркия, вернувшегося в драматургию после семилетнего молчания и создающего для театра новый шедевр — «Великий обольститель, или Последняя ночь Казановы». Там, говорят, будут действовать целых четыре донна, включая Дон Кихота, Дон Жуана и Тихого, как вы понимаете, опять-таки Дона. Наконец, уже второй год идет работа над двумя маленькими трагедиями Пушкина — «Скупым рыцарем» и «Каменным гостем». Мы их увидим, как только ректорат подпишет передачу театру помещения по Моховой, 3, а театру удастся установить там сцену и, прошу прощения, туалет. И то, и другое сегодня очень даже недешево, но надежда, как известно, умирает последней.

В данном случае — надежда вполне конкретна. Когда-то водители московских троллейбусов по собственной инициативе переименовали остановку — объявляли не «Манежная площадь» и даже не «Площадь имени 60-летия Октября», а «Студенческий театр МГУ». Классики марксизма уверяют, что история движется по спирали. Как насчет нового витка?

Александр Ефремов